

Обида. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Обида. Владимир Владимирович Набоков

Ивану Алексеевичу Бунину

Путя сидел на козлах, рядом с кучером (он не особенно любил сидеть на козлах, но кучер и домашние думали, что он это любит чрезвычайно, Путе же не хотелось их обидеть, - вот он там и сидел, желтолицый, сероглазый мальчик в нарядной матроске). Пара откормленных вороных, с блеском на толстых крупах и с чем-то необыкновенно женственным в долгих гривах, пышно похлестывая хвостами, бежала ровной плещущей рысью, и мучительно было наблюдать, как, несмотря на движение хвостов и подергивание нежных ушей, несмотря также на густой дегтярный запах мази от мух, тусклый слепень или овод с переливчатыми глазами навывкате присасывался к атласной шерсти.

У кучера Степана, мрачного пожилого человека в черной безрукавке поверх малиновой рубахи, была крашеная борода клином и коричневая шея в тонких трещинках. Путе было неловко, сидя с ним рядом, молчать; поэтому он пристально смотрел на постромки, на дышло, придумывая любознательный вопрос или дельное замечание. Изредка у той или другой лошади приподнимался напряженный корень хвоста, под ним надувалась темная луковица, выдавливая круглый золотой ком, второй, третий, и затем складки темной кожи вновь стягивались, опадал вороной хвост.

В коляске сидела, заложив нога на ногу, путина сестра, смуглая молодая дама (ей было всего девятнадцать лет, но она уже успела развестись), в светлом платье, в высоких белых сапожках на шнурках с блестящими черными носками и в широкополой шляпе, бросающей кружевную тень на лицо. У нее с утра настроение было дурное, и когда Путя в третий раз обернулся к ней, она в него нацелилась концом цветного зонтика и сказала: "Пожалуйста, не вертись!"

Сначала ехали лесом. Скользящие по синеве великолепные облака только прибавляли блеска и живости летнему дню. Ежели снизу смотреть на вершины берез, они напоминали пропитанный светом, прозрачный виноград. По бокам дороги кусты дикой малины обращались к жаркому ветру бледным исподом листьев. Глубина леса была испещрена солнцем и тенью, - не разберешь, что ствол, что просвет. Там и сям райским изумрудом вдруг вспыхивал мох; почти касаясь колес, пробегали лохматые папоротники.

Навстречу появился большой воз сена - зеленоватая гора в дрожащих тенях. Степан попридержал лошадей, гора накренилась на одну сторону, коляска в другую, - едва разминулись на узкой лесной дороге, и повеяло острым полевым духом, послышался натруженный скрип тележных колес, мелькнули в глазах вялые скабиозы и ромашки среди сена, - но вот Степан причмокнул, тряхнул вожжами, и воз остался позади. А погода расступился лес, коляска свернула на шоссе, и дальше пошли скошенные поля, - звон кузнечиков в канавах, гудение телеграфных столбов. Сейчас будет село Воскресенское, а еще через несколько минут - конец.

"Сказаться больным? Свалиться с козел?" - уныло подумал Путя, когда показались первые избы.

Тесные белые штанишки резали в паху, желтые башмачки сильно жали, неприятно перебирало в животе.

День предстоял гнетущий, отвратительный, но неизбежный.

Уже ехали селом, и откуда-то из-за изб и заборов отзывалось деревянное эхо на согласный копытный плеск. Мальчишки играли в городки на заросшей травой обочине, со звоном взлетали рюхи. Мелькнули серебряные шары и ястребиное чучело в саду местного лавочника. Собака, молча, копя лай, выбежала из-за ворот, перемахнула через канаву и только тогда залилась лаем, когда догнала коляску. Протрусил верхом на гнедой, мохнатой деревенской лошадке, широко расставив локти и весь трясясь, мужик в рубахе, раздутой ветром и порванной на плече.

В конце села, на пригорке, среди густых лип, стояла красная церковь, а рядом с ней - небольшой белокаменный склеп, похожий формой на пасху. Раскрылся вид на

Обида. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
реку, – вода была зеленая, цвелея, местами словно подернутая парчой. Сбоку от спускающегося шоссе жалась приземистая кузница, – кто-то вывел на ее стене крупными меловыми буквами: "Да здравствует Сербия!" Стук копыт сделался вдруг звонким, упругим: ехали по мосту. Босой старик, опершись на перила, удил рыбу; у его ног блестела жестяная банка. Стук копыт смягчился снова; мост и рыбак и речная излучина отстали непоправимо.

Теперь коляска катилась по пыльной, пухлой дороге, обсаженной дородными березами. Сейчас, вот сейчас из-за парка, выглянет зеленая крыша – усадьба Козловых. Путя знал по опыту, как все будет неловко и противно, и с охотой отдал бы свой новый велосипед "Свифт" – и что еще в придачу? – стальной лук, скажем, и пугач, и весь запас пробок, начиненных порохом, – чтобы сейчас быть за десять верст отсюда, у себя на мызе, и там проводить летний день, как всегда, в одиноких, чудесных играх.

Из парка пахло грибной сыростью, еловой темнотой, а затем показался угол дома и кирпичный песочек перед каменным подъездом.

"Дети в саду", – сказала Анна Федоровна (Козлова), когда Путя с сестрой, пройдя через прохладные комнаты, где пахло гвоздиками, вышел на веранду; там сидело человек десять взрослых; Путя перед каждым расшаркивался, стараясь не чмокнуть по ошибке руку мужчин, как это однажды случилось. Сестра держала ладонь у него на темени, чего никогда не делала дома. Затем она села в плетеное кресло и необычайно повеселела. Все заговорили разом. Анна Федоровна взяла Путя за кисть, повела его вниз по ступеням, между лавровых и олеандровых кустов в зеленых каджах, и таинственно указала пальцем в сад. "Они там, – сказала она, – ты пойдешь к ним". После чего она вернулась к гостям. Путя остался один на нижней ступени.

Начиналось прескверно. Необходимо было пройти через красную садовую площадку вон туда, в аллею, где среди солнечных пятен дрыгали голоса, и что-то пестрело. Надо было проделать этот путь одному, приближаться, без конца приближаться, постепенно входить в поле зрения многих глаз.

Именинником был Володя Козлов, бойкий, насмешливый мальчик, одних с Путей лет. У Володи был брат Костя и две сестры, Бэб, и и Леля. Из соседнего имения приехали в шарабанчике двое маленьких Корфов и сестра их Таня, миловидная девочка с прозрачной кожей, синевой под глазами и черной косой, схваченной над тонкой шеей белым бантом. Кроме них были три гимназиста и тринадцатилетний, крепкий, ладный, загорелый Вася Тучков. Играми руководил студент, Яков Семенович, воспитатель Володи и Кости, пухлявый, грудастый молодой человек, в белой косоворотке, с бритой головой и с пенсне без ободков на точеном носу, вовсе не шедшем к яйцевидной полноте его лица. Когда Путя наконец подошел, Яков Семенович и дети метали копьё в большую мишень из разноцветной соломы, прибитую к еловому стволу.

Последний раз Путя был у Козловых в Петербурге, на Пасхе, и тогда показывали туманные картины: Яков Семенович читал вслух "Мцыри", а другой студент орудовал волшебным фонарем. На мокрой простыне, в световом кругу, появлялась (судорожно набежав и остановавшись) цветная картина, – например: Мцыри и прыгающий на него барс. Яков Семенович, прервав на минуту чтение, указывал палочкой на Мцыри и затем на барса; при этом палочка окрашивалась в цвета картины, и цвета потом соскальзывали, когда он палочку отодвигал. Каждая картина оставалась на простыне долго, так как их было только десять штук на всего "Мцыри". Вася Тучков иногда поднимал в темноте руку, дотягивался до луча, и на полотне возникали растопыренные черные пальцы. Раза два студент у фонаря вставлял пластинку неправильно, картина выходила вверх ногами, Тучков хохотал, а Путя мучительно краснел за студента, – и вообще старался делать вид, что он страшно интересуется. Тогда же он познакомился с Танечкой Корф и с тех пор часто думал о ней, представляя себе, как спасает ее от разбойников, как пособляет ему и преданно любит его смелостью Вася (у которого, по слухам, был дома настоящий револьвер с перламутровой рукояткой).

Сейчас, расставив загорелые ноги, небрежно опустив левую руку на свой холщовый пояс с цепочкой и кожаным кошельком, Вася метил легким копьём в мишень, – вот раскочулся, вот попал в самую середину, и Яков Семенович громко сказал: "браво". Путя осторожно вытащил копьё, тихо отошел, тихо прицелился и попал тоже в середину; этого, впрочем, никто не заметил, так как игра кончилась, и все были заняты другим: приволокли и поставили посреди аллеи нечто вроде низенького

Обида. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru поставца, с круглыми дырками по верху и толстой металлической лягушкой, широко разинувшей рот. Следовало попасть свинцовым пятаком либо в одну из дырок, либо лягушке в рот. Пятак проваливался в отделения с цифрами, лягушкин рот оценивался в пятьсот очков. Бросали по очереди, каждый по несколько раз. Игра была довольно тягучая, и в ожидании своей очереди некоторые из детей залезли в черничные заросли под деревьями. Ягода была крупная, матово-синяя, и загоралась лиловым блеском, если тронуть ее замусоленным пальцем. Путя, присев на корточки и кротко побрякивая, набирал чернику в ладонь и потом совал в рот всю горсть. Так получалось особенно вкусно, Иногда попадал в рот вместе с ягодами жесткий листик. Вася Тучков нашел маленькую гусеницу с разноцветными пучками волосков вдоль спины (вроде как у зубной щетки) и спокойно проглотил ее, к общему восхищению. В парке постукивал дятел, над травой жужжали тяжелые шмели и вползали в бледные, склоняющиеся венчики боярских колокольчиков. С аллеи доносился стук бросков и зычный картавый голос Якова Семеновича, советовавший кому-то лучше целиться. Рядом с Путей нагнулась Таня и с необыкновенно внимательным выражением на бледном лице, полуоткрыв фиолетовые блестящие губы, обшаривала кустик. Путя, набравший в ладонь ягод, молча предложил ей всю горсть, она милостиво ее приняла, и Путя начал набирать для нее еще порцию. Но тут настала ее очередь бросать пятак, и она побежала к аллее, высоко поднимая тонкие ноги в белых чулках.

Игра в лягушку начинала всем надоедать, одни пропустили свой черед, другие швыряли кое-как, а Вася Тучков запустил в лягушку камнем, и все рассмеялись, кроме Якова Семеновича и Пути, Володя, именинник, стал требовать, чтобы сыграли в палочку-стукалочку. Мальчики Корф присоединились к этому, Таня запрыгала на одной ноге, хлопая в ладоши. "Нельзя, ребята, нельзя,- сказал Яков Семенович.- Через каких-нибудь полчаса мы поедем с вами на пикник, а если вы будете разгоряченные, то не исключена простуда". "Ну, пожалуйста, пожалуйста!"-затянули все. "Пожалуйста",- тихо повторил за другими Путя, решив, что устроится так, чтобы спрятаться вместе с Васей или Таней.

"Придется общую просьбу исполнить,- сказал Яков Семенович, любивший округлять свою речь.- Но только где же необходимое орудие?" Володя бросился по направлению куртин.

Путя подошел к зеленой скамье качалки, на которой стояли Таня, Леля и Вася; последний скакал и притоптывал так, что доска, кряхтя, дрыгала, и девочки вскрикивали и балансировали руками. "Падаю, падаю!" - воскликнула Таня и вместе с Лелей спрыгнула на траву. "Хотите еще черники?" - предложил Путя. Она покачала головой, потом покосилась на Лелю и, обратившись к Путе, сказала: "Мы с Лелей решили больше с вами не разговаривать". "Почему?"- пробормотал Путя, густо покраснев. "Потому что вы ломака",- ответила она и, отвернувшись, вскочила на скамейку. Путя притворился, что поглощен разглядыванием курчаво-черной крововинки с краю аллеи.

Между тем, задыхавшийся Володя принес палочку, зеленую, острую, из тех, коими подкрепляют на клумбах пионы и георгины. Стали решать, кому быть стукальщиком. "Раз. Два. Три,- смешным повествовательным тоном начал Яков Семенович, тыча при каждом слове пальцем,- Четыре. Пять. Вышел зайчик. Погулять. Вдруг охотник (Яков Семенович остановился и сильно чихнул). Выбегает (...продолжал он, поправив пенсне). Прямо в зайчика... Стреляет. Пиф. Паф. Ой. Ой. Ой. У. Ми. Ра. Ет (слоги веско замедлялись). Зай. Чик. Мой".

"Мой" пал на Путя. Но тут все остальные еще теснее обступили Якова Семеновича, умоляя, чтобы искал он. Раздавались возгласы: "Пожалуйста, это будет гораздо интереснее". "Так и быть. Я согласен",- ответил он, даже не взглянув на Путя.

В том месте, где аллея выходила на садовую площадку, стояла беленая, местами облупившаяся скамейка с решетчатой, тоже беленой, тоже облупившейся спинкой. На эту скамейку сел, держа в руках палочку, Яков Семенович, сгорбил жирную спину, плотно зажмурился и стал вслух считать до ста, давая этим время спрятаться. Вася и Таня, словно сговорившись, побежали в глубину парка, один из гимназистов стал за липу, в трех шагах от скамейки,- а Путя, с тоской посмотрев на пестрые тени парка, отвернулся и направился в другую сторону, к дому, решив засесть на веранде,- не на той, конечно, где взрослые пили чай и где пел по-итальянски граммофон со сверкающим рупором,- на другой, наискосок от аллеи. Веранда, к счастью, оказалась пуста. Под цветными стеклами, бросавшими на них цветные отражения, тянулись мягкие лавки, сбитые сизым сукном в махровых розах. Была там

Обида. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
еще венская качалка, чисто вылизанная миска на полу и круглый стол, покрытый клетчатой клеенкой. На столе ничего не было, кроме чьих-то одиноко лежавших стариковских очков.

Путя подполз к многоцветному окну и замер у белого подоконника. Был виден поодаль на розовой скамейке розовый Яков Семенович, неподвижно сгорбленный, под мелкой, рубиново-черной листвой. План путин был прост: как только Яков Семенович досчитает до ста, стукнет палочкой, положит ее на скамейку и отойдет по направлению к парковым кустам, где были наиболее правдоподобные места для засады, – ринуться с веранды к скамейке, к палочке. Прошло полминуты. Голубой Яков Семенович сидел, согнувшись, под черно-синими листьями и топал носком по серебристому песку в такт счету. Как весело было бы так ждать и поглядывать сквозь разные стекла, если бы Таня... За что? Что я такого сделал?

Меньше всего было простых белых стекол. Вот просеменила по песку трясогузка. В углах ромбовидных оконных рам были паутинки. На подоконнике лежаладохлая муха. Ярко-желтый Яков Семенович встал с золотой скамейки и застучал по ней палочкой. В то же мгновение дверь на веранду открылась, и из полутьмы комнаты появилась сперва толстая рыжая такса, а затем – седая стриженная старушка в черном платье с тугим пояском, с большой брошкой в виде трилистника на груди и с цепочкой от часов вокруг шеи, – часы же были засунуты за пояс. Собака, очень лениво, бочком, спустилась по ступенькам в сад, а старушка, подойдя к столу, сердито схватила очки, за которыми и пришла. Вдруг она заметила Путя, сползшего на пол. "Priate-qui? Priate-qui?" – произнесла она (с тем шутовским выговором, с каким изъясняются по-русски старые француженки, прожившие у нас лет сорок), "Toute n'est carochе", – продолжила она, ласково глядя на смущенное, умоляющее путино лицо. – "Sichasse posajou carochе messt".

Изумрудный Яков Семенович стоял, подбоченясь, на бледно-зеленом песке и смотрел сразу по всем направлениям, Путя, боясь скрипучего и суетливого голоса старушки, – а еще пуще боясь ее обидеть отказом, – поспешно за ней последовал, но чувствовал при этом, что получается страшная чепуха. Она шла, цепко держа его за руку, через прохладные комнаты, – мимо белого рояля, гвоздик и гортензий, голубого ломберного стола, трехколесного велосипедика, деревянной болванки селезня, лосьих рогов, шкапов с книгами, – все это бестолково выскакивало из разных углов, и Путя с ужасом соображал, что старушка вводит его далеко, на другую сторону дома, – а как объяснить ей, не огорчив ее, что игра, в которую он играет, скорее засада, чем прятки, что нужно ловить мгновение, когда Яков Семенович достаточно далеко отойдет от палочки, дабы успеть добежать до нее и постучать? Она провела его через пять-шесть комнат, потом через коридор, потом вверх по лестнице, потом через светлую горницу, где на сундуке у окна сидела румяная женщина и вязала на спицах, женщина подняла глаза, улыбнулась и, опустив опять ресницы, продолжила вязать. Старушка ввела его в следующую комнату: там стоял обитый кожей диван и пустая птичья клетка. Между огромным, красно-бурым бельевым шкапом и изразцовой печкой была как бы темная ниша. "Votte", сказала старушка и, легким нажимом вправив его туда, удалилась в соседнюю комнату, где продолжила разговор, никакого отношения к Путе не имевший, и слушательница, та, что вязала, изредка восклицала с удивлением: "Скажите пожалуйста!".

Путя стоял в своем закуте (сначала на коленках, словно он, в самом деле, таился, но потом выпрямился), и смотрел оттуда на стену в равнодушно-лазурных завитках, на окно, за которым мерцала верхушка тополя. Равномерно и хрипло стучали часы, и это почему-то напоминало всякие скучные и грустные вещи.

Прошло очень много времени. Вдруг разговор по соседству стал медленно уплывать и замер в отдалении. Тишина. Путя вылез.

Спустившись по лестнице, он на цыпочках пробежал через комнаты (шкалы, рога, велосипед, голубой стол, рояль), и вот, в глубине, ударила полоса цветного солнца, открытая дверь на веранду. Путя, крадучись, пробрался к стеклам и выбрал белое. На скамейке лежала зеленая палочка. Якова Семеновича не было видно; он, вероятно, отошел за те елки.

Путя, улыбаясь и волнуясь, прыгнул в сад и опрометью бросился к скамейке. Он еще бежал, когда заметил какую-то странную кругом неотзывчивость. Все же, не уменьшая скорости, он достиг скамейки и трижды стукнул палочкой. Впустую. Никого кругом не было. Трепетали солнечные пятна. По ручке скамейки ползла божья коровка, неряшливо выпустив из-под своего маленького крапчатого купола

Обида. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
прозрачные кончики кое-как сложенных крыл.

Путя подождал несколько минут, озираясь исподлобья, и вдруг понял, что его забыли, игра давно кончилась, а никто не спохватился, что есть еще кое-кто ненайденный, таящийся, – забыли и уехали на пикник. Пикник же был единственным более или менее приятным обещанием этого дня, – приятно было, что взрослые не поедут, приятно было думать о печенюшке на костре картофеле, ватрушках с черникой, холодном чае в бутылках. Пикник отняли, но с этим лишением можно было примириться. Главное состоялось в другом.

Путя переглотнул и неуверенно направился к дому, помахивая зеленой палочкой и стараясь сдержать слезы. На веранде играли в карты, – донесся смех сестры, неприятный смех. Он обошел дом с другой стороны, смутно думая, что там где-то должен быть пруд, и можно оставить на берегу платок с меткой и свисток на белом шнурке, а самому незаметно отправиться домой... Вдруг, завернув за угол дома, к водокачке, он услышал знакомый шум голосов. Все тут были, – Яков Семенович, Вася, Таня, все остальные; они окружали мужика, который принес показать только что пойманного совенка. Совенок, толстенький, рябой, с прищуренными глазами, вертел головой, – вернее, не головой, а своим очкастым личиком, ибо нельзя было разобрать, где начинается голова, и где кончается тело.

Путя приблизился. Вася Тучков оглянулся и, обратившись к Тане, сказал со смешком:
"А вот идет ломака".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!